

сюда съ Куку-нора ¹⁾). Въ административномъ отношеніи Ала-шань составляетъ одинъ *аймакъ*, раздѣленный на три *хошуна*; послѣдніе дѣлятся на восемь *сумо*. Управление сосредоточено въ рукахъ *Цинь-вана*, т. е. князя II степени.

По своему наружному типу ала-шаньскіе монголы, принадлежащіе къ племени *олутовъ*, рѣзко отличаются отъ коренныхъ монголовъ-халхасцевъ, и нерѣдко весьма походятъ на китайцевъ, конечно вслѣдствіе помѣси съ этими послѣдними. Одежду часто также носятъ китайскую. Женщины отличаются своею толстотою; при томъ онѣ поведенія самаго легкаго. Мужчины по характеру также совершенные китайцы—обманщики и лицемѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнны, какъ настоящіе монголы. Ламъ, т. е. лицъ духовныхъ, среди населенія множество; кумирень также не мало. Народъ живетъ бѣдно; при томъ сильно отягченъ податями, собираемыми въ пользу мѣстнаго князя.

Земледѣлія ала-шаньцы не знаютъ; занимаются исключительно скотоводствомъ, главнымъ образомъ разведеніемъ верблюдовъ, на которыхъ возятъ соль въ ближайшіе китайскіе города и берутъ подряды для доставки въ различныя мѣста китайскихъ товаровъ.

Общее впечатлѣніе пустыни.

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ Ала-шаньская пустыня, какъ и всѣ другія, на душу путника. Бредеть онъ съ своимъ караваномъ по сыпучимъ пескамъ, или по обширнымъ глинисто-солончаковымъ площадямъ—и день за днемъ встрѣчаетъ одни и тѣ же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустѣніе. Лишь изрѣдка пробѣжить вдали робкая хара-сульты, юркнетъ въ нору испуганный тушканчикъ, глухо просвиститъ песчанка, затрепещитъ саксаульная сойка, или съ своимъ обычнымъ крикомъ пролетитъ стадо большуруковъ... Затѣмъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ сряду не слышно никакихъ звуковъ, не видно ни одного живого существа, кромѣ безчисленныхъ ящерицъ... А между тѣмъ лѣтнее солнце печетъ невыносимо и негдѣ укрыться отъ жары; нѣтъ здѣсь ни лѣса, ни тѣни; развѣ случайно набѣжитъ кучевое облако и на минуту прикроетъ путника отъ палящихъ лучей. Въ мутной, желтовато-сѣрой атмосферѣ обыкновенно не колыхнетъ вѣтерокъ; являются только частые вихри и крутятъ горячій песокъ, или соленую пыль....

Вплоть до заката жжетъ неумолимое солнце пустыни. Но и ночью здѣсь нѣтъ прохлады. Раскаленная днемъ почва дышетъ жаромъ до слѣдующаго утра — а тамъ опять, багровымъ дискомъ, показывается дневное свѣтило и быстро накаляетъ все, что хотя немного успѣло остынуть въ теченіе ночи...

¹⁾ См. глава XIV, стр. 327.